

Двое подростков против дюжины молодых парней — исход был предрешен. Будь Цзин Жун один, он бы еще справился, но с Цянь Юном на руках он был скован. В ход шло все, что попадалось под руку: стеклянные бутылки, осколки — на земле этого добра валялось предостаточно. Мальчишки не знали меры, и Цзин Жуну приходилось постоянно прикрывать Цянь Юна, чтобы тот не получил розочкой по печени.

Вскоре оба были в крови. Цзин Жуну бутылкой полоснуло по боку, подол футболки пропитался алым. У Цянь Юна тоже были порезы на руках, и он запаниковал.

Бах!

Цянь Юн с размаху ударил ногой по двери, из которой они только что вышли, и заорал:

— Твою мать, Жун Хуайшу, ты там сдох, что ли? Вылезай, помогай!

Дверь тут же распахнулась, и на толпу Ван Сюя обрушился целый град из битых бутылок. Раздались вопли.

— Чего застыли? Заходите живо! — крикнул Жун Хуайшу.

Цзин Жун и Цянь Юн ввалились внутрь. Жун Хуайшу запер дверь, а следом задвинул тяжелый стальной засов. Только тогда он обернулся к ним.

Цзин Жун окинул его взглядом: на вид лет двадцать четыре-двадцать пять, телосложение худощавое, но ростом с него. На нем была черная майка, открывавшая крепкие руки, сплошь покрытые татуировками, уходящими под одежду. Но лицо совершенно не вязалось с этой фигурой — тонкие, женственные черты, поразительная красота и длинные, до плеч, волосы. Если бы не мужская майка и голос, Цзин Жун принял бы его за девушку.

— Это что за красавчик? — Жун Хуайшу приподнял бровь, глядя на Цзин Жуна.

Цянь Юн, морщась от боли, вытаскивал из руки осколок стекла и с неприязнью покосился на спутника:

— Какой там красавчик, сплошная беда. Вчера из-за его дружка в драку вляпались, а сегодня он меня под удар подставил.

— Ты сам за мной увязался, — невозмутимо подлил масла в огонь Цзин Жун, а затем повернулся к хозяину: — Я — Цзин Жун.

— Жун Хуайшу.

Только он успел представиться, как в заднюю дверь начали колотить. Снаружи доносился вой,

больше похожий на волчий.

— Ладно, пока они не добрались до парадного входа, уходим. Вам обоим нужно в больницу, — сказал Жун Хуайшу и повел их через коридор.

Только выйдя вперед, Цзин Жун понял, что это бар, который еще не открылся. Парапет выходил на проходную улицу между главной дорогой и шоссе. Там, у обочины, стоял внедорожник Цянь Юна. Они сели в машину, за руль сел Жун Хуайшу.

Они доехали до ближайшей клиники в центре города. По пути Цзин Жун вкратце рассказал о конфликте с Ван Сюем и похвалил Цянь Юна за вчерашнюю храбрость. Тот тут же расплылся в улыбке и забыл все обиды.

В клинике Цянь Юну налепили пластыри, а вот Цзин Жуну пришлось накладывать швы. Когда он снял футболку, обнажив крепкое, мускулистое тело, Жун Хуайшу, наблюдавший за процессом, усмехнулся:

— Фигура у тебя что надо. После снятия швов останется шрам, хочешь, я набью тебе тату? Замаскирую так, что и следа не останется.

— Я думал, ты держишь бар, — Цзин Жун рассматривал свою окровавленную футболку, которую уже можно было выбросить.

Жун Хуайшу пожал плечами:

— Для владельца бара особых навыков не нужно. Я — татуировщик. Ну что, подумаешь?

— Я...

Его прервал телефонный звонок. Цзин Жун достал мобильный, нахмурился, увидев имя на экране, но ответил:

— Пап?

— Ты где? Только что был здесь и пропал, — в трубке слышался шум мотора, отец Цзин уже уехал со склада.

— Да так, встретил друга. Пап, как дела с заказом?

Голос отца стал бодрее:

— Заказали древесины на десять тысяч. Если все пройдет успешно, возможно, подпишем долгосрочный контракт.

Долгосрочный контракт? Цзин Жун прищурился, но тут же взял себя в руки:

— Это отличные новости. Слушай, я сегодня домой не приеду, останусь в городе, завтра после занятий вернусь.

— Хорошо. Деньги при тебе есть?

— Да, не переживай. Все, отключаюсь.

Цзин Жун убрал телефон и повернулся к Цянь Юну:

— Одолжи денег, негде переночевать.

Цянь Юн:

— ...Дружище, я что, похож на благотворительный фонд?

Цзин Жун улыбнулся:

— Не похож, поэтому и прошу в долг. Верну, обязательно.

— Я... — Цянь Юн набрал воздуха в грудь, сверкнул глазами, но в итоге промолчал.

Жун Хуайшу рассмеялся:

— Поехали ко мне. Дерешься ты неплохо, если бы не Цянь Юн, ушел бы без проблем.

Цянь Юн хоть и был недоволен, но признал:

— В драке он действительно хорош. У него отец — бывший спецназовец. — И добавил с досадой: — Да и я не промах.

Жун Хуайшу проигнорировал его выпад и с интересом взглянул на Цзин Жуна:

— Как-нибудь подеремся на тренировке?

— Я же ранен, — отшутился Цзин Жун. Он сразу понял, что этот Жун Хуайшу — человек непростой. Он протянул руку Цянь Юну: — Дай денег, пойду хоть одежду куплю.

Цянь Юн:

— Сколько?

— Десять юаней.

Цянь Юн вытаращил глаза:

— Ты что, половую тряпку собрался покупать?

Цзин Жун:

— В супермаркете Фурэй их собственные футболки по девять девяносто.

Цянь Юн помолчал пару секунд, бросил кошелек Жун Хуайшу и передразнил Цзин Жуну:

— Мы в таком виде на улице будем выглядеть как отпетые хулиганы, так что уж будь добр, сходи. Десять юаней, сдача — десять фэней — с тебя.

Жун Хуайшу рассмеялся, вернул кошелек владельцу и уехал в магазин.

Цянь Юн и Цзин Жун переглянулись и одновременно прыснули со смеху. Цянь Юн угостил его сигаретой, завязался разговор. Узнав, что у Цзин Жуну есть лесопилка, Цянь Юн загорелся желанием отведать дичи. В ответ он упомянул о своем происхождении — компания Шухао Электроникс, одна из десяти крупнейших публичных корпораций Цзянчэна.

Он не стал хвастаться. Цзин Жун знал правду: Цянь Юн был внебрачным сыном Цянь Гу, его забрали в семью только в двенадцать лет, а мать так и оставили за бортом. Через месяц после переезда мать Цянь Юна погибла в автокатастрофе. Цянь Юн считал, что это дело рук семьи Цянь, и, осознав, что остался единственным наследником, пустился во все тяжкие, став законченным повесой.

Правда, нынешний Цянь Юн — это еще цветочки. Тот, с кем Цзин Жун встретится через пять лет, будет настоящим отморозком, который не погнушается ничем, кроме наркотиков.

Цзин Жун решил: раз уж судьба свела их раньше, он не позволит Цянь Юну повторить прошлую ошибку.

Они провели вечер в квартире Жун Хуайшу. Жилье было приличным, но обстановка — пугающе аскетичной. Кроме вещей первой необходимости, ничего: ни рамок с фото, ни декора.

Цянь Юн, впервые попавший сюда, вытаращил глаза:

— Ты переезжаешь или только что заехал?

Жун Хуайшу промолчал, достал из холодильника три банки пива и разложил на журнальном столике закуски из супермаркета. Это и был их ужин.

— Цзин Жун, не хочешь подработать? Ты ведь учишься на вечернем, можешь приходить в мой бар. Плачу тысячу юаней.

Цзин Жун покачал головой:

— Боюсь, в ближайшее время я здесь не появлюсь. Ван Сюй собрал столько мелких бандитов, он тут вроде местного авторитета. Не хочу нарываться.

— Справедливо. Его отец хоть и держит небольшой склад, но связи имеет крепкие, человек в округе известный, — Жун Хуайшу улыбнулся. — Но если будет время — заходи, у меня в баре тихо.

— Еще бы, там и призрака не встретишь. Я туда три раза в год заглядываю, и то считаю себя постоянным клиентом, — закатил глаза Цянь Юн.

Жун Хуайшу лишь усмехнулся. Они проговорили обо всем на свете: от выпивки и женщин до бизнеса и акций.

При упоминании акций сердце Цзин Жуна екнуло. В прошлом Цянь Юн годами прожигал жизнь, а в итоге поплатился: из-за нехватки акций его вышвырнули с поста главы компании. Даже когда он опомнился, было уже поздно.

Настоящий взлет Шухао Электроникс начнется через три года, после международного конкурса дизайна бытовой техники. Компания станет инвестором, и успех конкурса вынесет ее на вершину. А до этого момента это лишь местечковый бизнес с посредственными показателями. У Цзин Жуна будет три года, чтобы помочь Цянь Юну скупить достаточное количество акций. Но сейчас говорить об этом было рано.

— Цзин Жун, ты сказал, что деньги твоей лесопилки заморожены? Не переживай, дружище, открою тебе секрет, — Цянь Юн после нескольких банок пива стал разговорчивым. — Горком Цзянчэна затевает большую чистку. Через пару лет южные окраины начнут застраивать. Держись за свою землю, еще будешь жить в шоколаде.

«Баян», — подумал про себя Цзин Жун, но вежливо улыбнулся:

— Спасибо за доброе слово, если разбогатею — не забуду.

Цянь Юн рассмеялся и похлопал Жун Хуайшу по плечу:

— А ты, Хуайшу, со своим баром... Это место рано или поздно снесут. Станешь «неприступным жильцом», компенсацию получишь в разы больше.

Жун Хуайшу усмехнулся и ткнул пальцем в лоб Цянь Юна. Тот мгновенно обмяк, словно сдутый шарик, и через пару секунд уже храпел.

Цзин Жун остолбенел. Тот Цянь Юн, которого он знал через пять лет, пил как лошадь и не пьянел. А тут — всего пара банок?

— Не обращай внимания, проспится и не вспомнит, что наболтал, — Жун Хуайшу улыбнулся Цзин Жуну. — Но он прав, снос неизбежен. Я через пару лет собираюсь уезжать из страны. Если интересно — хочешь выкупить у меня это помещение?

Цзин Жун нахмурился, почувствовав неприятный холодок:

— Почему?

Жун Хуайшу прикусил губу, в его красивых глазах промелькнул пугающий ледяной блеск:

— Ты ведь не ребенок.

У Цзин Жуна екнуло сердце, но Жун Хуайшу продолжил:

— Может, не согласишься, но я вижу. В твоих глазах — убийственная жажда. Такую не скроешь, если хоть раз не переступил черту. Кажется, у тебя за плечами немало историй.

Цзин Жун выдохнул и спокойно улыбнулся:

— Ты слишком много на себя берешь.

Жун Хуайшу лишь усмехнулся, закрывая тему.

<http://bllate.org/book/19086/1874312>